

УДК 343.214

Бойко А. И.,

заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Южно-Российского института управления —
филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при президенте Российской Федерации»
(ЮРИУ РАНХиГС), доктор юридических наук, профессор

Сашенко А. А.,

преподаватель, ЮРИУ РАНХиГС

ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЫ

Статья представляет собой рассуждения об эволюции отечественной уголовно-правовой мысли в свете возможностей российских криминалистов качественно разрешать актуальные профессиональные и при этом социально значимые проблемы. Авторы рассматривают связь прошлого, настоящего и будущего в контексте доктрины уголовного права; раскрывают ее содержание, состав и особенности. Согласно авторскому видению, в уголовно-правовом регулировании сегодня обозначился ряд проблем, решать которые предстоит маститым специалистам, а также тем, кто сегодня пока только обучается премудростям юридической науки в вузах нашей страны.

Ключевые слова: будущее; доктрина; закон; настоящее; наука; практика; прошлое; теория; уголовное право.

Россию в злую шутку именуют страной без прошлого или с неизвестным прошлым в силу нашей национальной привычки время от времени менять вектор своего развития строго в противоположную сторону, обрушиваясь с критикой на своих предшественников. В этой связи уместно задаться вопросом — продуктивно ли постоянно отрекаться от собственного исторического опыта? Допустимо ли рассуждать о будущем науки в отрыве от идеологической доминанты конкретного момента времени?

Уголовно-правовая доктрина: спор настоящего с прошлым

«Затевая спор настоящего с прошлым, мы обнаружим, что потеряли будущее», — эта мысль принадлежит Уинстону Черчиллю. Безусловно, будущее куется в настоящем и с пытливым оглядкой в прошлое. Наивно и опасно полагать, будто предыдущие поколения только и делали, что заблуждались и ошибались, усиленно создавая проблемы себе и потомкам, а вот современники могут одним махом преодолеть все преграды и твердой рукой направить страну в сказочное завтра.

Авторы позволили себе употребить в названии статьи термин «доктрина» в качестве собирательного слова, обозначающего сплав:

- *теории* (консолидированного профессионального знания, в социальных науках весьма политизированного);
- *закона* (как письменной формы выражения нематериального права и управляющей им политики правящего класса);
- *практики применения закона* (в национальной юриспруденции и прежде всего в сфере уголовного преследования правоприменение производится, как правило, с минимальной опорой на научные мнения).

Большой диапазон интерпретации данного понятия в справочной литературе дает нам право на столь вольную трактовку. Действительно, в энциклопедических и толковых словарях находим, что *доктрина* есть научное, философское или политическое учение; нормативная формула; теория, система, **руководящий** принцип; совокупность постулатов, которые служат основой теории и способствуют развитию ее объяснительной функции; **концепция**, совокупность принципов, официально принятых взглядов на какую-либо проблему и характер средств ее решения и т. д.

Но необходимо сделать и ряд более важных оговорок.

Во-первых, представители быстро прогрессирующего и потому самоуверенного естествознания традиционно и укорительно акцентируют внимание на том, что «доктрина» употребляется для обозначения преимущественно догматических и схоластических взглядов и должна адресоваться устаревшим учениям и концепциям. «Консервативные» же теологи принимают данный упрек и без тени смущения разумеют под нею «истинное учение о вере и жизни». Данное толкование смысла «доктрины» мыслителями противоположных лагерей гносеологии без какого-либо негативного налета применимо и к уголовной юриспруденции, которая в правовой системе разделения труда имеет, в основном, охранительное (консервирующее, а не «возбуждающее» социальный мир) предназначение. Как говорится, все юристы — реакционеры (А. Бебель).

Во-вторых, в юриспруденции союз между теорией и ее реализацией сложнее, многопрофильнее, прочнее и проще, чем в других областях социальной практики. Научные положения и достижения проходят проверку, подтверждение и развитие сразу в двух относительно обособленных, но взаимосвязанных сферах — законодательстве и правоприменительной деятельности.

Правовая теория формируется на двух рубежах — вначале ее носителями постигаются азы (образовательный процесс в учебных заведениях), а затем для них наступает пора «плодоношения» или самостоятельного производства новых идей, взглядов и обобщений (научные предложения, нормотворческие рецепты, практические решения и рекомендации в ходе профессиональной деятельности каждого и всех юристов вместе). Именно и только уголовное право в силу его принудительного характера и повышенной травмирующей силы обросло за столетия функционирования двумя вспомогательными или обеспечительными по отношению к нему отраслями — **уголовно-процессуальным** (технологическое сопровождение на предварительной стадии реализации уголовной ответственности)

и **уголовно-исполнительным** (регламентация и детализация процесса применения уголовных санкций) правом.

В-третьих, суть юриспруденции вообще сводится к управлению посредством нормирования общественной и в меньшей степени личной жизни с помощью типизации событий и стандартизации индивидов. Обратите внимание: строго по тексту Уголовного кодекса наказывается кража как тайный способ хищения чужого имущества, а не тот, кто украл, однако и он понимается как *лицо* «среднего» пола, национальности, образованности, упитанности и т. д. при условии достижения им 14-летнего возраста и обладания адекватной психикой.

По этой причине степень обобщения знаний (но не масштаб!) в уголовно-правовой сфере значительно ниже, чем в том же естествознании. И это с непреклонностью предполагает легко угадываемую, проверяемую и ремонтируемую связь между теорией и практикой, обоснованностью понимания отраслевой доктрины как синтеза теоретических постулатов, законодательных предписаний и правоприменительных решений.

Наука и/или практика?

В связке теории, закона и правоприменения роль **ответственной** примы принадлежит науке. Такова духовная повинность образованного класса, который имеет возможность и которому положено за счет населения и для его блага ежедневно и системно размышлять о состоянии и совершенствовании общественной жизни. Данная нагрузка безальтернативна и священна, ею нельзя манкировать, отговариваясь материальными затруднениями или будничными хлопотами. Законодатель и практик никогда не поднимутся до стратосферы научных обобщений, а вот ученый анализирует прикладные последствия своих расчетов, предсказаний и рекомендаций. Кроме того, ученый штурмует методологические высоты, о существовании которых другие субъекты доктрины даже не подозревают. Так наука проверяет собственную состоятельность, расширяет видимые только ей горизонты знания.

Прозорливые люди, пусть односторонне, но в русле нашего отраслевого предприятия, величают историю *журналом регистрации преступлений, глупостей и несчастий человечества* (Э. Гиббон). В этом смысле заметим, что исторические экскурсии полезны в любой предметной области и по любой проблематике. Это помогает избежать принятия поспешных и односторонних решений в ходе строительства величественного здания будущего на основе привязки к фундаменту прошлого. История — это *testis temporum, vita memoriale, lux veritatis*. Ее откровения и уроки стреножат крайности во взглядах, упреждают завышенные расчеты и повторы ошибок. Право слово, живые факты вернее придуманных, как и естественное право намного лучше «*навязанного*» (М. Ориу).

Обращение к прошлому особенно актуально для России. Наша государственно-правовая история рисуется на Западе и в трудах отечественных либералов преимущественно в темных тонах: варварство, империя зла, геноцид, ГУЛАГ, тоталитаризм... Но эти «просвещенные» обвинения, пропущенные через увеличительное стекло сегодняшних бедствий, российского обывателя не больно-

то и ранят. Тем более, что «карательная практика» России, несмотря на отдельные трагические страницы ее истории, дает не так уж много оснований для посыпания головы пеплом.

Юридический менталитет народов России, осевших на периферии старушки Европы, сформировался без религиозных исступлений инквизиции и крайних форм рабовладения. Наши предки были явно гуманнее своих соседей.

Наиболее известный и первый из дошедших до нас законодательный памятник русичей — Правда Роська — не содержит упоминания о смертной казни. Показателен Поименной список приговоренных к смертной казни в период с 1826 по 1906 гг. В нем значатся фамилии 612 человек или менее 8 осужденных к данной мере в год, причем из них реально казнены лишь 128 несчастных¹. А какие это были времена: декабристское и польское восстание, крестьянские волнения, холерные бунты, теракты народовольцев, революционные выступления пролетариата начала XX века!

Воодушевление, охватившее страну после отмены крепостного права и словного суда, привело к тому, что обязательным разделом мудрствований философов, юристов, просветителей всех мастей конца XIX века стали нравственные основы карательной деятельности государства, консолидированные в специальную теорию под названием «обоснование права наказывать», что явилось убедительным свидетельством чистоплотности и искренности доктрины.

На этой основе отечественные и зарубежные исследователи уголовно-правовой истории России вынуждены признать, что наша страна первенства с точки зрения жестокости правосудия не имеет. Ни один памятник российского права эпохи феодализма не может сравниться по этой части с Каролиной. У нас здравствующий воин и налогоплательщик значили больше, чем казненный преступник. В России не было своего судьи фон Карпцова, пославшего на смерть двадцать тысяч германцев, а значительная часть приговоренных к исключительной мере наказания получала право на жизнь благодаря православной вере — обряду печалования или священнического увещевания. Иными словами, русская карательная доктрина исключала «прямолинейное искоренение преступности террористическими методами»².

В целом ломаную линию государственных исканий в сфере принуждения можно обозначить следующими кульминационными пунктами:

- переход от кровной мести к официальному разбирательству (что «светит» беспристрастностью — *sine ira et studio* и выживанием конфликтующих);
- поиск новых и отсеивание устаревших видов принуждения (с Указа 1637 года начинается клеймение преступников; эта варварская практика выжигания на лице букв «ВОРЪ», выполнявшая функцию примитивных справок о судимости, дожила до 1863 года);
- выдвижение и постепенная шлифовка целей карательной деятельности; прыжок от сословного арбитража к суду равных (присяжных, народных заседателей);

¹ См.: Против смертной казни: сб. статей / под ред. М. Н. Гернета. М.: Тип. тов-ва И. Д. Сытина, 1907. — 500 с.

² Рогов В. А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII веков. М.: Юристъ, 1995. С. 261.

— замена круговой поруки и процессуальных полномочий верви (общины) на официальный розыскной процесс;

— переход от ордалий (пыточных допросов) к системе формальных доказательств.

В фокусе принудительной проблематики, безусловно, расположено **наказание**. К нему тянется и профессиональный, и общественный (часто нездоровый) интерес.

По В. И. Далю наказание первоначально понималось как приказ, указание, а позже — в качестве кары, принуждения, т. е. ограничений и страданий для ослушника.

Пионер просвещенной пенологии завещал: «чтобы ни одно наказание не было проявлением насилия одного или многих над отдельными гражданами, оно должно быть по своей сути гласным, незамедлительным, неотвратимым, минимальным из всех возможных при данных обстоятельствах, соразмерным преступлению и предусмотренным в законе»¹.

Белинг видел в государственном возмездии «громоотвод против опасности потери авторитета власти», а известнейший историк и социолог советской эпохи — месть государства за посягательство на его монополию управлять: «закон сурово карает преступника-убийцу и суровее всего за преднамеренное убийство, т. е. за то, что он поднял руку на саму монополию государства убивать»².

Право, по Г. В. Мальцеву, есть гарантированный принудительной силой государства порядок жизни общества, обязательный для всех согласных и несогласных с ним. Создаваемое в законодательных инстанциях право уже содержит определенную программу или общий план реализации обменных и распределительных отношений в обществе³. Преобладающим же на сегодня является убеждение, что наказание — это крайнее средство, ибо надежды на правомерное поведение следует увязывать не с государственно-организованным насилием, а с более широкими социальными программами, делающими жизнь обывателей пристойной и гасящими мотивы к эксцессам. Что касается уголовного наказания, то оно по отношению к преступности вторично и «имеет дело не с социальными ее причинами, а с результатами действия этих причин. Именно поэтому уголовное наказание (как и все уголовное право) не только не может ликвидировать преступность, т. е. явление, имеющее социальные корни, но вряд ли может даже существенно повлиять на структуру и динамику преступности»⁴.

Искания российской юриспруденции XX и начала XXI века в области государственного принуждения многолики, в них заключен политико-экономический и духовный экстракт советской действительности и современной отечественной государственности. Главный раздражитель коллективной мысли, ее нравственной неудовлетворенности, давно известен: «всякое право предполагает неравенство... есть применение одинакового масштаба к различным людям»⁵. Отсюда много-

¹ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Фирма «Стелс-БИМПА», 1995. С. 247.

² Поршнев Б. Ф. Франция, английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970. С. 19–20.

³ Мальцев Г. В. Социальная справедливость и право. М.: Мысль, 1977. С. 180–185.

⁴ Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. М.: Наука, 1987. С. 140–141.

⁵ Ленин В. И. Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33. С. 93.

численные издержки в практике исполнения насилия, пятна на служебной тунике Эриний, Немезиды и даже самой Фемиды.

Официальные пропагандисты и доктринальные толкователи текстов УК ищут свежие рецепты, объясняют древние директивы набором осовремененных аргументов, устраивают дискуссии, имеющие огромный общественный резонанс. К их числу следует уверенно отнести такие направления обсуждения, как:

- «наступательное» наказание или «апатичные» средства социальной защиты;
- «размытая» аналогия или «черно-белая» противоправность;
- публичное и частное начала в области борьбы с преступностью;
- поиски вечного, неуловимого идеала справедливости;
- принуждение в призме конфликтологии;
- нетленная проблема гуманизации в карательной деятельности государства;
- варианты перехода от *tat justiz* к *person justiz*¹.

Самостоятельным разделом научного дискутирования стал вопрос о содержании наказания — исчерпывается ли оно карой или включает в себя и так называемые меры исправительного воздействия?

Советские пенологи во главе с профессором Н. А. Стручковым вынесли в 60–70-х годах прошлого века такой вердикт: содержание наказания ограничивается принуждением («лишения или ограничения прав и свобод» приговоренных — ныне ч. 1 ст. 43 УК РФ), а его применение «ароматизируется» специальными добавками (обязательный труд, воспитательная работа с осужденными, общеобразовательное и профессионально-техническое обучение, общественное воздействие на них — ныне ст. 9 УИК РФ), которые не имеют принудительного звучания, но существенно облагораживают кару.

По нашему мнению, не стоит «стыдиться» национального прошлого в сфере борьбы с преступностью — на его гидропонике, с дополнительной опорой на опыт всей цивилизации можно искать решение назревших проблем уголовно-правового регулирования.

Бурно развивающаяся в силу очередного (1990-е годы) исторического кульбита Отечества и переустройства мира криминальная действительность ставит перед уголовно-правовой доктриной новые и все более сложные задачи.

Несмотря на давние и во многом оправданные претензии социума и самолинчевание коллег² по поводу того обстоятельства, что уголовно-правовая нау-

¹ Кажется, данную трансформацию отраслевых представлений первым обозначил несравненный Г. М. Миньковский. См. об этом наше: *Бойко А. И.* Принуждение и насилие в отечественной государственно-правовой идеологии и риторике // *Насилие в современной России: Материалы научно-практической конференции 10–11 июня 1999 года.* Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 1999. С. 150–160.

² См.: *Голык Ю. В., Коробеев А. И.* Преступность — планетарная проблема (К итогам XI Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию). СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006; *Жалинский А. Э.* О современном состоянии уголовно-правовой науки // *Уголовное право.* 2005. № 1. С. 21–24; *Кудрявцев В.* Науку уголовного права пора модернизировать // *Уголовное право.* 2006. № 5. С. 130–131; *Кузнецова Н. Ф.* Мнение учёных о реформе УК (или *qui prodest?*) // *Уголовное право.* 2004. № 1. С. 2627; её же: Как реформы либерализма воплотились в реформе УК // «Чёрные дыры» в российском законодательстве. 2004. № 3; *Лунеев В. В.* Проблемы юридических наук криминального цикла // *Государство и право.* 2007. № 5. С. 39–58; Открытое письмо профессора А. В. Наумова академику В. Н. Кудрявцеву // *Уголовное право.* 2006. № 4. С. 135–138.

ка не является образцом рассудительности и творческих возможностей, причем со ссылкой на весьма вельможные доводы — название вольтеровской статьи «Плохая юриспруденция умножает преступление»¹, горестную оценку Иеремия Бентама, будто «в некоторых случаях правоведение может быть определено как искусство методического незнания того, что всем известно»², давние сетования Ф. Листа о том, что «мы находимся лишь в самом начале нашей работы и... не нашли еще метода, обладание которым давало бы нам основание надеяться на успешное разрешение нашей задачи»³, все равно ныне живущим криминалистам нельзя и, как говорили древние русичи, «поздно битвы бежать».

Назовем и кратко обоснуем несколько зреющих или уже очевидных проблем уголовного права, от решения которых *сегодня* зависит наше *будущее*⁴.

Первая проблема: необходимость деюридизации общества

Пусть читатель посчитает начальную в нашем изложении задачу доктрины парадоксальной, но от нее во многом зависит решение других проблем современности и фундамент будущности. В ближайшее время Россия приговорена к тому, чтобы заняться **деюридизацией общественной жизни**.

В 1998 году отечественное Министерство юстиции пересчитало количество действующих нормативных актов в стране (включая местный уровень) и, наверное, удивилось полученным цифрам, а потому подобную ревизию уже не производит. Таковых актов оказалось на тот момент 1,5 млн. С учетом прошедших с того момента двадцати лет, а также благодаря бурному расцвету территориальных представительных учреждений и их законотворческой инициативы, без особого риска ошибиться можно утверждать, что в стране сегодня циркулирует не менее 2 млн нормативных актов. А ведь в их составе числятся такие монстры, как Гражданский кодекс из нескольких частей и тысяч статей, каждая из которых дробится с помощью цифровой и буквенной индексации на уточняющие правила.

Заметим: прежний (советский) Уголовный кодекс был упразднен в том числе и потому, что за 36 лет своего существования он претерпел около 700 поправок. Однако действующий уголовный закон за последние четверть века вынес уже более 4 тыс. изменений! При этом мы еще не говорим о проблеме заадминистрированности и необходимости содержать огромный управленческий аппарат (2,4 млн чиновников в современной России против 660 тыс. в СССР), многочисленных коллизиях юридических правил и правоприменительных ошибках, общественной

¹ *Вольтер*. Избранные произведения по уголовному праву и процессу/пер. с фр. М.: Госюриздат, 1956.

² *Бентам И.* Трактат о судебных доказательствах. Киев, 1876. С. 7.

³ *Проф. Ф. Лист*. Общественные факторы преступности // Журнал Министерства юстиции. 1903. № 2. С. 41.

⁴ Разумеется, избирательностью в отборе трудностей и задач уголовно-правовой доктрины будет грешить любой представитель науки. Главное — избежать банальностей, уже ненужных призывов к тому, чтобы юрист ближайшего будущего отличался компьютерной грамотностью и знал хотя бы один иностранный язык, заявлений беспорных истин, сродни той, что будущее во все времена и повсеместно принадлежит молодому поколению, а старшему остаётся лишь вспоминать прошлое и брюзжать.

нервозности и снижении социальной инициативности населения¹ и пр. негативных плодах новейшей истории.

Лишь то общество имеет виды на устойчивое, мирное, производительное и эстетическое существование, которое свою жизнь организует преимущественно с помощью нравственности, религии, наставлений старшего поколения, героических примеров из прошлого своего этноса, даже поговорок, пословиц и крылатых выражений, но не ограничений, запретов и предписаний. Именно юристам, лучше других понимающим невозможность управлять бурно развивающейся и пышущей новыми формами жизнью с помощью стремительно устаревающего² ординарного права, придется стать инициаторами этого процесса. Призываем под эти хоругви единомышленников! Ведь именно нам суждено обеспечить гражданский мир в разбалансированной стране, помогая неповоротливым регламентам других отраслей права, с помощью бланкетности подстраиваться под быстро меняющееся законодательство.

Вторая проблема: правоприменение в условиях кризиса

В России культивируется рыночная экономика. Причем экономика у нас, как известно, развивается в условиях колоссального имущественного расслоения, вызванного перегибами экономической политики, проводившейся в стране в конце прошлого века.

Рынок гарантирует риски и кризисы, а социальное расслоение — повышенную конфликтность в социуме и правовое неравенство. В этих условиях современникам и юристам ближайшего времени надлежит не просто знать законы диалектики, но и умело преодолевать противоречия с помощью дихотомии, сглаживания крайностей, ставки на «золотую середину».

Всем правоведам, а отраслевым в особенности, нужно возделывать почти непаханое поле — *исключительные* (типа «обстоятельств, исключающих преступность деяния») и *переходные* (типа «возрастной невменяемости», «уменьшенной вменяемости», эксцесса необходимой обороны, специальных субъектов и пр.) нормы, а равно *привилегированные составы* (ст. 106–108 УК РФ), в количественном отношении катастрофически проигрывающие их квалифицированным собратьям.

Третья проблема: качество языка права

Общеизвестно, что юрист кормится... языком, являющимся основным орудием его труда. Что сегодня представляет собою язык права, какие опасности подстерегают нас здесь и каковы перспективы их преодоления? Можно много

¹ Известный криминолог современности объявил, что множасься ограничения и запреты настолько опутали россиян, что их творчество в любой сфере тормозится или даже блокируется, поскольку оно рассматривается если не как правонарушение, то как девиация (Гилинский Я. И. Запрет как криминогенный (девиантогенный) фактор // Российский криминологический взгляд. 2009. № 3. С. 302–311).

² Наслаждайтесь: петух встаёт рано, но злодей ещё раньше (прозорливо-насмешливый К. Прутков); закон будет всегда отставать от последних проявлений преступной воли (гениальный А. Ф. Кони); над принятием законов думают сотни и сотни, а над тем, как обойти закон, — миллионы (глава государства В. В. Путин).

говорить о тенденциях в речевом общении, о кризисе литературной языковой традиции, о падении уровня профессионального юридического языка вследствие общего снижения качества юридического образования и уровня вузовской науки в целом, о выхолащивания массовой культуры и формировании целого поколения с клиповым мышлением и интернет-аддикцией. Но это будет лишь констатация факта и никакого конструктива.

С законодательным языком (и, между прочим, не только в России) приключились две неприятности:

а) при давно установленной филологами норме в 10% словарного запаса нации, для целей управления в законодательстве РФ уже задействовано более 30% тезауруса русского языка;

б) ныне 80% слов европейских языков с длительной культурной эволюцией (а русский язык входит в этот пантеон) синонимичны. Например, англичане шутят: если написано Ливерпуль, нужно понимать Манчестер и наоборот.

Система управления, естественно, стремится к единообразному прочтению и пониманию своих требований, однако она раз за разом сталкивается с серьезными искажениями восприятия законоположений. В этой мутной воде хорошо чувствуют себя только казуисты и акулы бизнеса, способные нанять артели юристов для выискивания лазеек в налоговом законодательстве.

Весьма вероятно, что, если современники не обратят внимание на растущую синонимизацию народной и законодательной речи и не станут искать выход из положения, для наших потомков задача эффективного уголовно-правового регулирования станет почти неразрешимой. Полагаем, что следует искать и культивировать специальные (на сегодняшний день новые) технологии толкования законодательных текстов (герменевтика, топка и пр.)¹.

Четвертая проблема: растущая сложность правовой системы

Усложнение социума и следующая за этим нормотворческая активность представительных учреждений безальтернативно влечет за собой усложнение правовой системы, появление новых отраслей права и дальнейшую дифференциацию юридических знаний. Это способствует повышенному спросу на узких специалистов по бланкетности и коллизионному праву. Для представителей уголовного права, фирменной спецификой которого служит бланкетность, это и предупредительный звонок, и социальный заказ, и шанс.

Пятая проблема: «ставки сделаны, ставок больше нет»

Нельзя менять ставки во время уже начавшейся игры! Человечество давно выстрадало одну из заповедей нормального управления: законы должны быть стабильными, ибо граждане вправе знать, что их ожидает в ближайшем будущем в зависимости от собственного юридически значимого поведения — санкции или награды, приобретения или потери. Кроме того, гражданам нужно понимать, ка-

¹ Подробные предложения на сей счёт см. в монографии: *Бойко А. И.* Язык уголовного закона и его понимание. М.: Юрлитинформ, 2010. — 320 с.

кой модели поведения им придерживаться в социуме в перспективе, — уезжать за границу, покупать недвижимость, создавать семью, совершать подвиги или неблагоприятные поступки. В идеале на период жизни каждого поколения правила должны быть несменяемыми. Эта «железобетонная» истина распространяется и на область уголовного права. Вспомним оговорку В. Н. Кудрявцева, допущенную им при обсуждении оптимальной модели криминализации: «нельзя не менять содержание закона: иначе он отстанет от жизни; в то же время нестабильность законодательства существенно ослабляет его эффективность»¹. Ему вторит известный украинский криминалист: «только на основе очевидной стабильности законодательства может образоваться стойкая, целеустремленная и прогнозируемая политика государства в сфере борьбы с преступностью»².

Но есть еще одно, буквально обескураживающее обстоятельство, показывающее преимущества стабильного (в том числе уголовного) законодательства и негативные последствия отступления от данного идеала. Несколько лет назад Председатель Верховного Суда РФ В. М. Лебедев на традиционном съезде своих коллег и в присутствии президента страны сетовал на то обстоятельство, что 50% служебного (оплачиваемого из бюджета) времени судей тратится на изменение приговоров и прочих решений по уголовным делам не потому, что они были не обоснованными и незаконными на момент вынесения, но из-за беспрестанного обновления УК РФ, порождающего необходимость в судебной реализации нормы об обратной силе уголовного закона³. Вдумайся, читатель, в эти цифры и в эту практику: очередники-преступники томятся в следственных изоляторах, затягиваются сроки расследования и рассмотрения уголовных дел, Европейский суд по правам человека исправно выписывает за это штрафные квитанции нашей казне, но постоянные поправки в УК РФ незаслуженно и за счет бюджета направляют юристов на штрафной круг, дискредитируя государство в глазах граждан и умаляя имидж страны на мировой арене.

Почему же беспрестанно меняется текст УК РФ и повинна ли в том наша доктрина? Каузальный комплекс огромен. В нем нашлось место и для диалектики (вечного противостояния постоянства и перемен), и для проявления особенностей гуманитарного знания вообще (ущербного, любящего разменивать истину на пожелания вождей), но еще более — для субъективных причин. А они провоцируются тектоническими реформами и наследственной страстью восточных славян к революционным «качелям» (Д. С. Лихачев, И. А. Бунин).

Ну, не любим мы триста лет подряд стричь газон, предпочитая устраивать на нем попеременно то обитель, то клуб, то торговую лавку, то музей. В неэволюционные эпохи голос разума подавляется общественной экзальтацией, политическим прожектерством, необузданными социальными фантазиями, а юридическая

¹ Основания уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация) / отв. ред. — В. Н. Кудрявцев и А. М. Яковлев. М.: Наука, 1982. С. 243.

² Тацій В. Я. Стабільність та динамізм кримінального законодавства України як запорука його якості та ефективності // Основні напрями розвитку кримінального права та шляхи вдосконалення законодавства України про кримінальну відповідальність: матеріали міжнар. наук.-практ. конф., 11–12 жовт. 2012 р. / редкол.: В. Я. Тацій (голов. ред.), В. Борисов (заст. голов. ред.) та ін. — Х.: Право, 2012. С. 7.

³ Российская газета. 2013. 19 февраля.

наука неминуемо утрачивает беспристрастность и доверие населения (А. А. Подберезкин, А. Я. Сухарев, В. М. Сырых, В. Д. Филимонов). Становится очевидным, что наш национальный бог есть «бог всего, что есть некстати» (П. А. Вяземский), но не благоразумие. Удивительно, но страны СНГ, опаздывая на европейский экспресс в среднем на век, на чужих ошибках не учатся, не используют временной лаг с умом, а механически заимствуют чужеземный опыт без учета национальных традиций (Ю. М. Лужков). Всегдашняя готовность обществоведов разменять истину на указания правящей элиты, их инстинктивная политическая преданность, генетическая тяга к опытам по переустройству, лишь бы алгоритмы поставлялись из-за рубежа (С. Ю. Витте), помноженные на общее грехопадение юриспруденции вследствие снижения уровня грамотности молодых юристов и «массового ослепления» их взрослых коллег, парализуют творческие способности даже порознь, а в совокупности и вовсе отбивают привычку думать (В. Г. Беляев).

Диалектика согласования стабильности изменчивости уголовного закона

Если какая-то общественная проблема имеет вид диалектического противоречия (постоянно возобновляемая система соперничества многочисленных факторов объективного порядка), ее разрешение возможно только в форме комплекса взаимосвязанных мероприятий, причем без гарантии стопроцентного результата, а лишь с надеждой на некоторое выправление ситуации.

По нашему мнению, первыми учеными, обратившими внимание на противоречие между стабильностью и изменчивостью уголовного закона, а также предложившими свои варианты реагирования на него, стали известные столичные криминалисты из МГУ¹. С учетом содержания той давней публикации наиболее рациональное разрешение проблемы мы видим в следующих обязательных требованиях к уголовному правотворчеству:

а) законодательствование не «реактивное», а с упреждением. Властям одновременно нужно здраво прогнозировать и учитывать направления и результаты реформ, экономические потрясения, международную обстановку, данные правоохранительной практики, демографию и экологию, миграционные потоки населения, проверять законопроекты на соответствие Конституции РФ и международным стандартам по борьбе с преступностью, согласовывать уголовно-правовые новеллы с содержанием бланкетных источников; просчитывать уголовно-правовые риски² и давление общественного мнения, а также возможности государства по реализации принятых поправок в Уголовный кодекс;

б) обязательное производство беспристрастных научных экспертиз всех законопроектов по борьбе с преступностью. Сообщество криминалистов России, объединенное вокруг «Конгресса уголовного права», постоянно адресуется претензии властям в том, что для внешних экспертиз новелл к УК привлекается ограниченный круг ангажированных ученых. Хотя стоило бы для таких задач привлекать

¹ Кузнецова Н. Ф., Злобин Г. А. Социальная обусловленность уголовного закона и научное обеспечение нормотворчества // Сов. государство и право. — 1976. — № 8.

² См.: Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. — 400 с.

различных специалистов, представляющих разные позиции и научные школы. В последующем имело бы смысл выносить на публичное обсуждение (на профессиональных форумах) отчеты выдвиженцев об их экспертной деятельности;

в) абсолютная необходимость криминологического обоснования всех изменений в УК (отсутствие репрезентативной криминологической базы для нововведений в УК РФ давно стало притчей во языцех в научных кругах и основным доводом критиков отечественного парламента — и это при наличии давно доказавшей свою состоятельность Российской криминологической ассоциации!);

г) использование таких языковых средств описания криминальных поступков, чтобы лексического запаса диспозиций хватало и на существующую, и на прогнозируемую преступность (имеются в виду так называемые *оценочные слова* или *признаки*, которые представляют собой «неконкретизированные в законе или ином нормативно-правовом акте уголовно-правовые понятия, призванные отражать не предмет в его целостности, а свойства или отношения этого предмета, содержание которых устанавливается лицом, применяющим уголовно-правовую норму, на основе конкретных обстоятельств уголовного дела»¹ — особая жестокость, неизгладимое обезображивание лица, крупный ущерб, значительный вред, явное несоответствие защитительных действий характеру и опасности посягательства и т. д.). С их помощью законодатель, знающий и ориентированный только на типовые случаи и среднестатистического гражданина, как бы передает свою монополию на криминализацию поступков территориальным юристам, сталкивающимся с неповторимыми и непредвиденными криминальными происшествиями;

д) законодательный эксперимент, олицетворяющий самый последний вариант парламентского реагирования на жизнь в форме распространения новеллы только на часть территории страны и только на ограниченный период времени с последующей оценкой результатов и принятием решения о целесообразности превращения эксперимента в постоянный норматив для всей страны. Эксперимент применяется в тех крайних случаях, когда полной уверенности в социальной адекватности дополнения или изменения УК нет, а не реагировать на подвижки в криминальной сфере нельзя. Чтобы сгладить вероятные издержки новеллы хотя бы частично, ее применение и ограничивается по территории и времени.

Шестая проблема: мониторинг правоприменения

Любое государство стремится к повышению эффективности юридического регулирования. Для этого в 2011 году в России приступили к мониторингу правоприменения, возложив данную функцию на Министерство юстиции². Все бы ничего, но:

¹ Кобзева Е. В. *Оценочные признаки в уголовном законе*. Саратов: Изд-во СГАП, 2004. С. 97–98.

² Указом Президента РФ от 20 мая 2011 г., № 657 — «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» (Собрание законодательства РФ, 2011. № 21. Ст. 2930) в «Положение о Министерстве юстиции РФ» (Собрание законодательства РФ, 2004. № 42. Ст. 4108) введен п. 4.1, в соответствии с которым Минюсту вменена обязанность осуществлять «в установленной сфере деятельности мониторинг правоприменения в РФ».

а) в Минюсте РФ господствует упрощенное представление о новом участке работы — как о механическом сборе критических отзывов на законы от практикующей уголовной юстиции;

б) наша отрасль под мониторинг, по сути, не попала, ибо она давно «под прицелом» многих специализированных ведомств, в синклит которых Минюст не входит;

в) результаты практики используются для оценки уже принятого (что хуже), а не проектируемого (что лучше) закона. Мы же предлагаем использовать такой вариант профессионального отслеживания и оценки государственного противодействия преступности, когда одновременно учитываются и важнейшие социальные показания для отраслевого нормотворчества (критерии криминализации и пенализации общественно опасных деяний), и его влияние на эффективную деятельность судов, правоохранительных и пенитенциарных учреждений. А в идеале желателен переход к производству мониторинга сопряженной результативности теории, закона и практики, то есть совершенствования и вклада всех элементов доктрины.

Седьмая проблема: совершенствование методологии научного исследования преступности и реагирования на нее

Тысячелетний опыт человеческой цивилизации, когда были испробованы различные технологии воздействия на преступность (устрашение, публичные казни, ставка на неотвратимость, исправительная цель, «композиции» или практика материальных компенсаций и пр.), показал всю сложность объекта воздействия и скудные аппаратные возможности уголовного права. В силу этого адепты гуманитарного знания давно условились: поскольку преступность — социальное явление, то и влияние на нее должно быть общесоциальным.

Уголовное право есть всего лишь хирургический блок машины госуправления, сильно зависящий от состояния диагностических служб и первичной терапии общества, а потому не решающий болезненную социальную проблему кардинальным образом. Уголовное право несколько приглушает чувство неудовлетворенности людей уровнем защищенности от посягательств, но не избавляет от него полностью.

На всем протяжении истории попутно общественному прогрессу множились негативные оценки криминальных перспектив человечества, согласно которым:

— «преступление также вечно, как смерть и болезнь», а «наказание никогда не исчезнет»;

— «меры предупреждения никогда не победят преступности, точно также как величайшее развитие гигиены не победит смерти и болезней»¹;

— около 3–5% населения страны всегда будут составлять правонарушители, и никакие законодательные, организационные, превентивные, кадровые меры на ситуацию повлиять не смогут².

Как следствие, установка на непримиримую «борьбу с преступностью» постепенно меняется на минорное, пессимистическое «противодействие преступности».

¹ Лист Ф. Преступление как социально-патологическое явление. СПб., 1900. С. 18.

² Ли Д. А. Преступность как социальное явление. М.: Русский мир, 1997. С. 16.

Эти обстоятельства подвигают к выбору такого методологического подхода к уголовному праву, который выглядел бы как поиск и учет максимально возможного числа контактов (связей) уголовного права с окружающей средой (в том числе ранее не замечавшихся или оценивавшихся изолированно). Всё — с целью проверки регулятивно-охранительных возможностей уголовного права, причин изменения его содержания и структуры, для оценки перспектив сохранения его в качестве цельного объекта.

Vulgo, нужно заново посмотреть на уголовное право через призму среды обитания и попытаться объяснить его союзы с партнерами этой среды, его обновление под внешним давлением.

Это необходимо еще и по той причине, что уголовное право — одна из *последних* по технологии, по очередности управления общежитием отраслей права — это доказывается высокой бланкетностью уголовно-правовых запретов. То есть уголовное право — как бы *зависимая* минисистема — зависимая от других групп юридических предписаний и в первую очередь от норм конституционного, гражданского, административного права. Вместе с экономикой, преступностью, этнокультурой, языком, юридической практикой, наукой, политикой правящей элиты, международными стандартами и т. д. эти предписания образуют *внешнюю среду* уголовного права, под которую последнее вынуждено подстраиваться в целях самосохранения и решения собственных задач.

Именно поэтому продуктивное научное исследование уголовного права предполагает широкоформатный или координатный взгляд на него, когда размещение нашей отрасли в окружающей его среде и объяснение модификаций уголовного закона, а равно организация правоприменительной практики производятся через согласование сугубо отраслевых знаний, традиций и предпочтений с более важными ингредиентами социума. Такую возможность в современной мыслительной культуре способен предоставить прежде всего системный подход. С его помощью можно объяснять не только социально-детерминированное содержание УК, но даже его структуру и вообще эволюцию уголовно-правовых знаний. Только на его основе мы можем объяснить приспособление и выживание сильно зависимого от социальной среды уголовного права.

Уголовное право сохраняет свои идентификационные черты и функциональную результативность благодаря одновременному, но разновекторному давлению множества внешних детерминант и прочности ранее выработанных конструкций своего содержания. Способствует этому и момент сознания; ведь если в природе наблюдается *естественный гомеостазис*, то в обществе (социальных системах) — *управление* (Концепция национальной безопасности РФ, уголовное законодательство, научные Программы по борьбе с преступностью, текущая правоохранительная деятельность и т. д.).

Наконец, акцентировано назовем «тайную» закономерность сциентизма — первоначальное увлечение при изучении объекта только **одним исследовательским приемом**. Когда же возможности его эффективного применения исчерпываются либо начинают поставлять отрицательные примеры построенных на базе всего одной методики инженерных или управленческих решений, приходит вре-

мя вынужденного сопряжения нескольких гносеологических инструментариев в страховочные **пары** либо **союзы**.

По нашему мнению, нынешнее уголовное право подошло к порогу, когда прорывные результаты маловероятны при ставке на привычные одномерные познавательные технологии (которые пока приносят плоды и будут пользоваться в исследованиях порознь). Социальная эффективность отечественной доктрины может существенно повыситься от объединения:

— традиционных исторического и сравнительного методов в *исторический компаративизм*;

— классификационных решений с таким архивированием их результатов, которые будут легкодоступными для любых исследователей;

— теории криминализации с теорией эффективности уголовно-правовых средств;

— привычных для «жесткого» уголовного права принципов с почти неведомыми презумпциями или точками роста знаний;

— системных обзоров внешних зависимостей отрасли с ее структурными композициями.

Ответим ли мы на вызовы времени?

Выдвижением претензий занимаются многие, если не все; это — квазинорма. Не родился еще на свете криминалист, способный отказать себе в удовольствии посетовать на несовершенство Уголовного кодекса. Негативом переполнены публичные выступления ученых и тексты их публикаций, очень нелицеприятные оценки обыватели адресуют и власти, и нам — ученым. Посему закономерен билейский и примыкающий к нему вопрос: а кто будет собирать камни? Готова ли национальная доктрина решать выдвинутые авторами данного очерка задачи. Может ли она работать на будущее? Отвечаем суконным языком анкет современной социологии: скорее «нет», чем «да». И вот почему.

А. Изначально существует проблема достоверности гуманитарной науки вообще. Пока еще царствующие в современном мире англосаксы, например, почитают за «настоящую» науку лишь естествознание по тем причинам, что, во-первых, гуманитарий (в том числе и юрист) включен в исследуемый объект и потому теряет беспристрастность. Во-вторых, что у общественных наук нет постоянно работающей экспериментальной базы, отчего их мысли и предложения субъективны и даже отдают волюнтаризмом. В-третьих, что именно на обществоведов оказывается давление «сверху» в целях обеспечения социальной стабильности (от математиков, очевидно, даже при крайней уступчивости не добиться отказа от того факта, что «дважды два четыре»). Как следствие, обществознание представляется на Западе никчемной игрой в слова и дефиниции, набором ценностных суждений, результатом классификаторских упражнений, заведомо продажным знанием¹.

Как точно подметил П. Фейерабенд, развитие гуманитарной науки иррационально: новые теории побеждают старые не обязательно потому, что они ближе

¹ Бернал Дж. Наука в истории общества. М.: Иностранная литература, 1956. С. 529–534.

к истине, точнее и глубже отражают объективную реальность, а вследствие того, что они наиболее интенсивно (мы бы сказали, агрессивно — *Авт.*) пропагандируются их сторонниками¹.

Кстати, коллеги помнят, какое возмущение вызвал отказ от поиска истины по уголовным делам в тексте нового Уголовно-процессуального кодекса, какая шумная дискуссия была устроена представителями данной отрасли на страницах уважаемого журнала². Чуть позже устроили мозговой штурм по тому же вопросу и «уголовники» с криминологами — в стенах Академии Генеральной прокуратуры РФ по инициативе и под предводительством профессора А. В. Наумова. Разгорелись нешуточные страсти. Один из авторов настоящей статьи в своем выступлении попытался приглушить их следующими доводами:

1) что бы ни написал законодатель в УПК, без движения к истине (хотя бы в плане установления криминального события как факта) расследование, судебное разбирательство и научные комментарии по уголовному делу невозможны в принципе;

2) в нашем промысле истина не абсолютна, а релевантна (мы вынужденно ограничиваем поиск данных о криминальных происшествиях лишь небольшим числом типовых сведений, отраженных в снятом виде в признаках состава преступления, ибо другого пути нет);

3) стесняться и чураться этой данности не следует — если уж велико-разумные естествоиспытатели гением А. Эйнштейна изобрели теорию относительности, то на что рассчитывать нам, убогим поборникам гуманитарного знания;

4) пользуясь всего лишь релевантной истиной, мы всегда оправдаемся с помощью хитрой интерпретации текста³;

5) в нашей политически набожной стране на указанный объективный фон накладывается национальная специфика — жесткая опора на общегосударственную идеологию, когда нередко в качестве главного аргумента начинают рассматривать даже цитаты из выступлений официальных лиц. Всё это ограничивает индивидуальность исследователей и их творческий поиск, готовность вырабатывать оригинальные подходы к решению проблемы борьбы с преступностью.

Утонченное и одновременно емкое наблюдение на сей счет подарил нам известнейший набатный звонарь России: «Московский университет вырос в своем значении вместе с Москвою («разжалованной императором Петром из царских столиц») после 1812 года» в силу осознания народом «своей кровной связи» с городом «при вести о ее занятии неприятелем», а также благодаря историческому значению, (выгодному — *Авт.*) географическому положению и *отсутствию царя* (курсив наш, но с поправкой: лучше было бы написать об отсутствии многочис-

¹ Цит. по: Радугин А. А. Философия: курс лекций. М., 1998. С. 203.

² Библиотека криминалиста: Научный журнал. — 2012. — № 4 (5). — С. 5–288 (31 статья ведущих ученых России).

³ Известный пример подобного рода «интерпретации»: жених едет в купе поезда к своей невесте, но в какой-то момент с верхней полки свешивается симпатичная девичья ножка. Слово за слово с ее обладательницей, после чего оба сошли на ближайшей станции и сняли номер в гостинице. Невесте же была послана следующая телеграмма: «ехал к тебе, но подвернулась нога, лежу в постели гостиницы, обнимаю, целую». Что грешит против истины в этом послании?

ленной клиентелы, самим своим существованием препятствующей росткам живого знания — *Авт.*)»¹;

Б. Прагматичный рынок во всех странах, и Россия в этом смысле не исключение, гарантирует печальную судьбу фундаментальным наукам и тем представителям частных отраслей знаний, которые берутся за разработку стратегических проблем, а не тактических вопросов, ибо только усилия на втором направлении способны дать быструю отдачу. Инвестировать «в долгую» в состоянии лишь государство в форме грантов и стипендий, но это капля в море, а крупный бизнес большими временными периодами пока не мыслит. Вот и пробавляется большинство отечественных криминалистов поисками отличий кражи от грабежа да государственной измены от измены в семье, копошится в тексте Уголовного кодекса и наперебой комментирует мелкие поправки в него. Так «без драки можно попасть в большие забияки».

И пример для подражания есть: на заре Новой России многие были свидетелями высокомерного изложения банальностей заезжими криминологами из-за Атлантики. Результат на поверхности: желающие могут подсчитать долю диссертаций и постановлений Пленума Верховного Суда РФ по проблемам Общей части в сравнении с рассмотрением прагматичных вопросов Особенной части уголовного права. Сложно с таким багажом рассчитывать на квалифицированное разрешение стратегических проблем уголовного преследования.

Кто не помнит либо не верит — извольте подтверждение от гениального академика нашей страны (фрагмент из его лекции, прочтенной не где-нибудь, а в Ватикане): «Расцвет математики в уходящем столетии сменяется тенденцией подавления науки и научного образования обществом и правительствами большинства стран мира. Ситуация сходна с историей эллинистической культуры, разрушенной римлянами, которых интересовал лишь конечный результат, полезный для военного дела, мореплавания и архитектуры. Американизация общества в большинстве стран, которую мы наблюдаем, может привести к такому же уничтожению науки и культуры современного человечества»².

В. Состояние современной ученой юриспруденции, выражаясь канцелярским слогом, оставляет желать лучшего. Вот подборка иллюстраций печального положения дел:

— «Уголовно-правовая наука продолжает прирастать, главным образом, за счет усилий вузовских преподавателей, «замордованных» возрастающими объемами бюрократии и учебной нагрузкой. И оптимистических перспектив в этом направлении не просматривается. Корпусов для уголовно-правовых НИИ в наукоградах, увы, не запланировано, «криминологических коллаидеров» строить не собираемся»³;

— профессор Д. Ю. Шапсугов находит нынешний кризис юридической науки

¹ Герцен А. И. Былое и думы. М.: Детская литература, 1973. С. 116.

² Интервью с академиком В. И. Арнольдом // В защиту науки. — 2011. — № 5. — С. 68.

³ Щедрин Н. В. Уголовное управление // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2018. — Вып. 40. — С. 323.

более основательным, чем прежние, требующим «смену парадигм правового мышления» и даже признания необходимости в новой отрасли знаний — плагиатоведения¹;

— дискредитация ученых степеней у юристов (и криминалистов не в последнюю очередь) не могла ни произойти хотя бы по количественным рекордам, уничтожающим новизну и уравнивающим обыденное знание с прежде привилегированной или истинной наукой (сравните: в 2017 году было защищено 46 докторских и 490 кандидатских диссертаций по юриспруденции или больше чем за 163 года в Российской империи!);

— страна в части управления наукой столкнулась с серьезными кадровыми проблемами. Благодаря усилиям группы «Диссернет» дело дошло до того, что «сейчас уже героями являются не те, у кого есть диссертация, а те, у кого нет диссертации. Добавим к этому факт перехода к квантованию научных результатов посредством простимулированных к печати в зарубежных привилегированных журналах статей, что есть, по нашему мнению, вторая (после соросовских грантов) сейсмическая волна подбострастия перед Западом;

Г. Наука как ведущий элемент доктрины — это сегодняшний день, но будущее для всех этажей доктрины готовится в образовательных учреждениях. Здесь должны формироваться вкус к энциклопедичности, самостоятельность в выборе позиции, способность одновременно постигать теорию, законодательство и практику, а еще умение грамотно и завораживающе излагать мысли, желание быть индивидуальностью. Только на такой базе возможно квалифицированно поднимать и разрешать глубинные проблемы социума. В принципе, рассуждения по этому фрагменту можно было бы заменить отсылкой читателей к отменной аналитической статье, после прочтения которой абсолютно понятно, что в высшей школе за годы перманентных реформ местами надулся образовательный пузырь, с которым что-то надо делать³. Однако мы представим собственное видение проблемы, т. е. требований к процессу образования квалифицированных юристов (криминалистов).

Как известно, с определенного времени в отечественном высшем образовании введена двухуровневая система обучения, что диссонирует с тем, что в нашей стране и так существует многоступенчатый порядок подготовки и аттестации юристов (от выпускников вузов до докторов наук). Это новшество в первую очередь создало проблему с трудоустройством для бакалавров гуманитарных факультетов, в том числе юристов.

Юристу на роду написано обслуживать ВСЕ сферы жизни. Он должен знать закономерности экономики и культуры, медицины и быта, управления и досуга, говорить о них просто и захватывающе, не давая повода усомниться

¹ Шансугов Д. Ю. О научном содержании кризиса юридической науки и его околонаучных проявлениях // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2015. — № 1. — С. 117–119.

² См.: Кричевский Г. Г. Магистерские и докторские диссертации, защищенные на юридических факультетах университетов Российской империи (1755–1918): Библиографический указатель. Ставрополь: Сан-Сан, 1998. — 202 с.

³ Балацкий Е. Как из высшего образования в России раздули пузырь // <http://kapital-rus.ru/articles/article/266318> (дата обращения: 18.11.2014).

в солидном запасе знаний и представлений, являемых в лексическом многообразии речи. Юрист — общественный организатор, оратор, вожак, дирижер любых присутствий, способный даже обуздать озлобленную толпу. Он — тот, кто объяснит, увлечет, свяжет возмущение обывателей неотразимыми аргументами, убедит в пристойности любых административных решений, обратит в свою веру, — в общем, оправдает ядовитую поговорку: по суду и скорпиона приятно проглотить.

Эти ожидания предполагают значительную долю аудиторных занятий в общем бюджете времени, выделяемом на освоение профессии; ежедневный тренинг публичной речи, что достигается только на лекциях и семинарах, но никак не посредством модернистской «фанеры» — презентаций, тестов, дистанционных форм обучения. Сегодня же всё обстоит с точностью до наоборот: «сверху» навязываются одинаковые дидактические приемы независимо от специфики специальностей. Хотя, на наш взгляд, даже стороннему наблюдателю должно быть ясно — нельзя всех стричь под одну гребенку: есть разница между подготовкой юриста и филолога.

Если мы не вернемся к традиционным (аудиторным, соревновательным, групповым, контактными, живыми) формам трансляции знаний от преподавателя к студентам при условии их участия в разговоре и непосредственного восприятия информации, на вузовских кафедрах опять появятся «заики и шептуны, которых можно слушать и понимать, только изрядно приспособившись к ним» (А. П. Чехов), а выпускники-адвокаты станут вызывать «косноязычием смех даже у (своих — Авт.) подсудимых»¹.

Но главная беда существующей системы высшего образования — в непомерных объемах отчетности и документооборота. На этом фоне кафедры, которые прежде благозвучно величались и фактически были «основным звеном вуза», то есть занимались делом или непосредственным производством молодых специалистов, постепенно превратились в канцелярии. Очевидно, что растущие масштабы бумажного «творчества», постоянное обновление отчетных форм, сокращение сроков предоставления запрашиваемой информации закономерно и неминуемо ведут в тупик. Ведь преподаватели будут вынуждены жертвовать тем, о чем с них спрашивают менее всего, — качеством преподавания и глубиной проработки лекционного материала.

Ситуация с юридическим образованием в настоящее время настолько печальна, что авторы испытывают значительные трудности не то что с цитированием, но даже с отбором показательных публикаций в силу их огромного числа и различной тональности — игривой, предупредительной, настороженной, гневной, эзоповой, традиционно критической (с разбором аргументов или документальных свидетельств). Так, судья Конституционного Суда РФ обеспокоен тем, что осуществляемые «под благими лозунгами модернизационные процессы и реформы могут вступить в противоречие с национально-историческими традициями в области образования, привести к утрате достигнутого» на этом

¹ Сергеев П. Искусство речи на суде. М.: Юрид. литература, 1988. С. 26.

направлении¹. Д. Б. Сандаков представил как уже якобы реализованную в России «Программу разрушения системы высшего образования» из семи пунктов (снижение творческой мотивации педагогов, подрыв авторитета педагогов, бюрократизация учебного процесса, либерализация учебного процесса, разрушение интеллектуальной сферы, подбор «руководящих» кадров и маскировка Программы ее вдохновителями и реализаторами)². Группа известных в России юристов выпустила обстоятельное пособие по феномену плагиата³, другие анонсируют некое «обрезание» высшей школе⁴, названия книг профессора Г. В. Назаренко, пользующегося псевдонимом (по-современному — «ником»), говорят сами за себя⁵.

Неужели в этом случае мы имеем дело с продолжением вузовских традиций Отечества? Вы будете удивлены, но вполне возможно. И за примерами далеко ходить не придется:

— отечественный баснописец: «Полезно ль просвещение? Полезно, слова нет о том, но просвещением зовем мы часто роскоши прельщенье и даже нравов развращенье»⁶;

— знаменитый писатель: «Сила правительства держится на невежестве народа, и оно знает это, и потому всегда будет бороться против просвещения. Пора нам понять это»⁷;

— премьер-министр и граф России: «Известно, что как тогда, так и теперь юридический факультет — это такой факультет, на котором менее всего можно заниматься»⁸.

Хлестко, красиво, забавно, но наверняка с завышением негатива, хотя с колокольни признанных авторитетов интеллекта это допустимо. Однако не верится нам, горемыкам современности, чтобы во времена, когда всего-то региональный инспектор училищ учебных округов (а не сановный министр образования!) создал «Толковый словарь национального языка» из 11 тыс. статей, обширное и бесценное собрание типичных выражений («Ходячие и меткие слова») на семи языках, двухтомник «Русской мысли, речи и фразеологии», несколько учебников по филологии и языкознанию, руководство для старшеклассников — *o tempora,*

¹ Бондарь Н. С. Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и космополитические иллюзии. М.: Юрист, 2013. С. 15.

² Сандаков Д. Б. Как развалить систему образования: диверсионная программа // <https://obrazovanie.by/sandakov/kak-razvalit-obrazovanie.html> (дата обращения: 18.08.2021).

³ Шахрай С. М., Аристер Н. И., Тедеев А. А. О плагиате в произведениях науки (диссертациях на соискание учёной степени): научно-методическое пособие. М.: МИИ, 2014. — 176 с.

⁴ Бараков В. Высшей школе готовят обрезание // URL: http://www.rospisatel.ru/barakov-vsh.htm?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 05.12.2018).

⁵ Хуторянин Евгений. Фальшивое золото высшего образования: Сатирическая проза. СПб.: Юридический центр Пресс, 2016. — 112 с.; *его же*. Миражи высшего образования. Орёл: Салон оперативной полиграфии, 2018. — 128 с.

⁶ Крылов И. А. Басня «Червонец» // URL: <https://ilibrary.ru/text/2175/p.19/index.html> (дата обращения: 17.08. 2021).

⁷ URL: <https://zen.yandex.ru/media/bookshop/7-genialnyh-citat-lva-tolstogo-kotorye-vechny-5c3f4d6cefcbd000a9ce38af> (дата обращения: 20.01.2019).

⁸ Витте С. Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911. М.: Мысль, 1991. С. 421.

о *mores!* — по переводам с французского языка на русский и обратно, перевел на иностранные языки творения А. В. Кольцова, И. А. Крылова, И. И. Хемницера и других отечественных писателей¹.

Лирическое отступление

Одному из авторов публикации студенты нередко задают «убийственный» в своей праведности (так им кажется) вопрос: почему им (студентам) строго воспрещается пользоваться на экзамене текстом Уголовного кодекса РФ?

В качестве объяснения приходится обращаться к истории. Так, до 1917 года на юридических факультетах российских университетов и в императорских училищах правоведения курсовые (в нынешнем понимании) экзамены по уголовному праву производились по несколько часов подряд для каждого испытуемого, причем на русском, латыни и пяти основных европейских языках. Экзаменовала «студизусов» в то время целая комиссия из нескольких ординарных профессоров и приват-доцентов. Придирчивое жюри проверяло знания в области законодательства зарубежных стран, осведомленность о постановлениях кассационных департаментов Правительствующего Сената и уровень знакомства с основными монографиями (не учебниками!) по специальности. И экзаменуемые при этом могли иметь на столах во время подготовки громоздкие фолианты Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (позже — просто Уголовное уложение). Ныне же преподавание предмета на базовых уровнях обучения практически сводится к изучению закона, причем неудовлетворительные оценки не в чести — ведь это косвенное признание невысокого уровня учебного процесса...

Понятное дело, после такой отповеди те, кто задавал «каверзный» вопрос, вздыхают и с унылым видом соглашаются с приговором.

Рассуди, читатель: сумеет ли грядущая смена юристов решать сложнейшие в профессиональном, нравственном и интеллектуальном смыслах проблемы уголовно-правового регулирования?

Послесловие или преступно краткий и сугубо индивидуальный дижестив

В качестве завершающего аккорда авторы решили предложить на суд взыскательного читателя несколько забористых и многогранных высказываний, содержащих мыслительный экстракт разных людей разных эпох:

— девственность не предписывается, а всего лишь рекомендуется (апостол Павел);

— нет лавки, в которой бы продавался ум (российская премудрость XVII века);

— нельзя научиться хотеть (ироничная отповедь европейских просветителей социальным нигилистам и великосветской «обломовщине»);

— юрист — это человек, который делает себя сам (заповедь американцев);

¹ Речь идёт о *Морице Ильиче Михельсоне* (1825–1908 гг.), выдающемся российском лингвисте и педагоге, собирателе и толкователе национальной фразеологии, писателе, энциклопедисте, авторе нескольких учебников, государственном деятеле, просветителе и попечителе бесприютных детей.

— «авось, доживу я до светлого дня; авось, в книжной лавке повесят меня» (эпиграф одного из авторов данной статьи к готовящейся к изданию книги).

И напоследок... На знаменах крестьянских восстаний средневековой Европы были начертаны слова «Смерть докторам права!» Вот так: доцентов, ассистентов и аспирантов — не трогать, а докторов юридических наук — пожалуйста!

Отчасти поэтому некоторые профессоры-юристы, особенно в беседах с незнакомыми людьми, стараются не акцентировать внимание на своей специальности, и уж тем более не выпячивать свою «остепененность». Но среди коллег по цеху решиться на откровенные рассуждения о связи прошлого, настоящего и будущего, согласитесь, намного проще. *Sapienti sat*¹.

Boiko A. I.,

Doctor of Laws, Professor,

Head of the Department of Criminal and Legal Disciplines

South Russian Institute, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Sashenko A. A.,

lecturer, South Russian Institute,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

THE PAST AND THE FUTURE OF THE RUSSIAN CRIMINAL AND LEGAL DOCTRINE

This article discusses the evolution of the Russian criminal and legal ideas in light of the Russian criminal law experts' capabilities to competently solve topical and at the same time important social issues. The author considers connections between the past, the present and the future in the context of the criminal and legal doctrine; he discloses the content, composition and peculiarities of the latter. In the author's view, there exist quite a number of new problems that have arise in the criminal and legal regulation of today. These are to be solved by those who study legal sciences at the universities of Russia these days.

Key words: criminal law doctrine; history of criminal law; problems of contemporary criminal science; future; doctrine; present; law; the past; science; practice; theory.

¹ Умный поймет — лат.